

18.03.05

ОТКРЫТИЕ

фильмы
выставки
концерты
фестивали
спектакли

адреса на странице 70

Большой спляшет канкан

Ради «Парижского веселья» Леонида Мясина
Ожидает Татьяна Кузнецова

14

апреля Большой театр восстановит историческую справедливость:

на его основной сцене впервые в России представят балеты Леонида Мясина — скромного артиста Большого театра, ставшего центральной фигурой мирового балета XX века. Именно вокруг него объединились дягилевские артисты, осиротевшие после смерти великого импресарио. Именно спектакли Мясина стали образцом для зарождавшегося в 30-е годы английского национального балета. Именно он подвигнул на создание балет. Первые труппы Южной Америки обязаны ему своими лучшими спектаклями. И даже в США до 50-х годов прошлого века самым авторитетным балетмейстером-иностранцем считался Мясин, а вовсе не прославленный Баланчин.

Спектакли Леонида Мясина на сцену Большого переносит его полный тезка — сын знаменитого хореографа, которого семья переименовала в Лорку, чтобы начинающего балетмейстера не путали со знаменитым отцом. Три лучших спектакля Мясина-старшего зрители Большого увидят точь-в-точь такими, какими они представляли перед лондонской публикой соответственно в 1919, 1933 и 1938 годах: испанская «Треуголка» — с декорациями и костюмами Пабло Пикассо, симфонические «Предзнаменования» — в оформлении сюрреалиста Андре Массона, искрометное «Парижское веселье» — в декорациях графа Этьена де Бомона, изобразившего интерьер кафе «Тортони» — средоточие парижского шика конца XIX века.

Может, артистам Большого и не удастся передать дух русского эмигрантского балета, но за аутентизм текста Лорка Мясин может поручиться: отец, мечтавший сделать из него постоянного ассистента и хранителя наследия, заставил сына выучить свои балеты наизусть задолго до своей смерти, последовавшей в 1979 году. Последние десятилетия балетмейстер провел затворником на собственном острове в Средиземном море — писал трактаты по хореогра-

Три лучших спектакля Мясина зрители Большого увидят в оригинальной версии

фии, никем не то что не понятые, но до сих пор толком и не прочитанные. Остров у наследников купил Рудольф Нуреев и самозабвенно занимался там в специально оборудованной студии — дух Мясина вдохновлял его на творческие подвиги.

Парадоксально, но балетмейстера, одарившего своими балетами весь мир, могло не существовать вовсе. Мировая карьера Мясина-старшего сложилась благодаря случайности — семнадцатилетнего танцовщика увез из Москвы Сергей Дягилев. После скандала с женитьбой Вацлава Нижинского его «Русский балет» лишился ведущего премьеры, и знаменитый импресарио рыскал по театрам в поисках замены. Не отличавшийся идеальным телосложением и классической выучкой Леонид Мясин мало подходил для этой роли: еще учась в Императорском театральном училище, балету он предпочитал театр и успел переиграть в Малом все роли подростков. Именно актерские дарования оценил Сергей Дягилев в большеглазом темпераментном москвиче, а недостатки его хореографического образования устранил в Италии великий педагог Энрико Чекетти, оттачивавший мастерство всех звезд начала XX века — от Павловой и Кшесинской до Нижинского и Лифаря. Проницательный Дягилев разглядел и балетмейстерские способности своего протеже, спровоцировав 20-летнего юнца на самостоятельные постановки. Соавторов ему подобрали отборных: художниками первых балетов Мясина были Гончарова и Ларионов, Дерен, Бакст и Пикассо. К 1917 году москвич стал главным хореографом «Русских сезонов».

Основным его шедевром до сих пор считается «Треуголка» (1919) — одноактный балет по мотивам старинной пьесы де Аларкона на музыку Мануэля де Фальи, с декорациями и костюмами Пабло Пикассо. Очутившись во время войны в Испании, дягилевская труппа под руководством испанского цыгана Феликса ревностно изучала фламенко и прочие местные танцы, из которых Мясин выстроил изящную театральную стилизацию. Результат ошеломил даже привычного к

триумфам Сергея Дягилева: первый в мире фольклорный балет имел оглушительный успех. С тех пор «Треуголка» так и путешествует по сценам мировых театров, но только сейчас добралась до Большого. Главную роль Мельничихи (85 лет назад ее танцевала великолепная Карсавина) исполнит Мария Александрова — балерина стильная, умная и темпераментная. Достойного Мельника (роль которого на премьере танцевал сам Мясин) в Большом выбирают до сих пор — среди претендентов Дмитрий Гуданов, Руслан Скворцов и Юрий Клевцов.

Второй спектакль программы — «Предзнаменования» на музыку Пятой симфонии Чайковского, первый симфонический балет, который сохранила история. Леонид Мясин поставил его в 1933-м, возглавив и вернувшись к жизни «Русский балет Монте-Карло» — обломок распавшейся дягилевской труппы. В хореографическом опусе, повествующем о схватке человека с судьбой, полным-полно метафор и аллегорий: Страсть танцует с Героем любовный дуэт, в который вмешивается Судьба; Легкомыслие исполняет изящную вариацию; Соблазн в паде труа с Роком и Действием.

Впрочем, можно обойтись и без разгадывания символов, а просто отдаться захватывающему потоку движений. «Предзнаменования» — балет, основанный на классике, а потому Большой театр действовал в нем целую толпу премьеров и прим — Светлану Лунькину, Марианну Рыжкину, Надежду Грачеву, Екатерину Шипулину, Марию Аллаш, Андрея Уварова, Владимира Непорожного, Владимира Волчкова — всех не перечислить.

И, наконец, «Парижское веселье» на музыку Оффенбаха — балет-канкан, балет-варьете, которым в 1938 году Мясин по-

рил Старый и Новый Свет. Франция времен Второй империи, каскад беззаботных танцев, отчаянный флирт и пикантные шутки. Светские львицы, продащицы перчаток, маркитантки, кокетки разменивают между собой герцогов и баронов, офицеров и поэтов, как игральные карты. Балет, не похожий на балет, уже шесть десятилетий обожают публика всех стран. Глухой к юмору кордебалет Большого хоть и ворчит, но учит канкан под предводительством бесшабашной Анастасии Месковой.

Большой театр, 14 апреля (19.00), заказ билетов по телефону 292 0050

Леонид Мясин: «В моем отце жили десять разных хореографов»

Перед премьерой в Большом Татьяна Кузнецова встретила с Леонидом Мясиним-младшим.

— Вы впервые приехали в Россию?

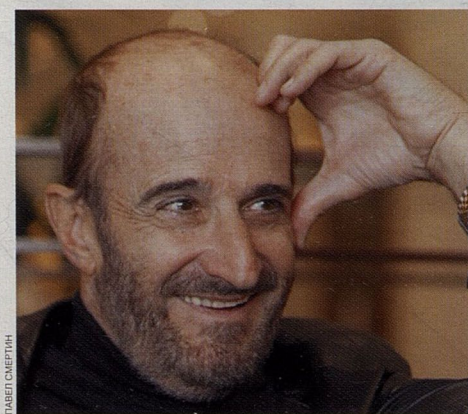
— В 1960-м я был здесь с отцом. Мы приезжали навещать семью — у нас дом в Звенигороде. Дед построил его своими руками, папа родился там. И до сих пор в нем моя кузинка живет. Я постараюсь содержать дом, чтобы приезжать обратно сюда, в Россию. В конце концов, я везде жил — во Франции, Италии, Испании, в Америке, в Англии и никогда на своей родине. Вот теперь пора.

— Ваш отец хотел, чтобы его работы увидели на родине?

— Он приезжал в надежде, что его балеты поставят в Большом театре. Это не вышло, потому что он был чересчур связан с западной культурой, с Дягилевым. Была такая Фурцева, министр культуры. Она не хотела ничего такого — Мясина, Дягилева, все это — нет.

— Балеты, которые ставит Большой, выбрал театр?

— Это мой выбор. Вместе с Алексеем Ратманским (худрук балета Большого театра, — «Коммерсантъ-Weekend»), он хорошо знает работы отца и очень их любит. Это такие разнообразные балеты, они отлично представляют многоликость Мясина. «Треуголка» — в духе испанского танца, там очень важная часть — костюмы Пикассо. Второй балет — «Предзнаменования» — это рождение симфонической класси-

ки, первый балет в этом стиле, мой отец это сделал на десять лет раньше Баланчина. И последний балет — «Парижское веселье» — чистое варьете, Париж времен Тулуз-Лотрека. В моем отце жили десять разных хореографов. Он мог ставить в любом стиле. Вот Баланчина всегда можно узнать, а отец мог делать что угодно — хоть классику, хоть фольклор, хоть эстраду, хоть модерн.

— Ваш отец поставил больше семидесяти одноактных балетов. Сколько из них живут сегодня?

— Двенадцать. Это нормально. Ведь даже у великих хореографов не так уж много шедевров. Сколько идет в мире балетов Бежара или Ролана Пети? Не больше. Живут самые важные балеты отца. Я возобновлял их все.

— Мода на балеты Мясина в мире не проходит?

— Нет. Но большая проблема с худруками театров. Это не артисты — политики. Они хотят только своих хореографов и ничего другого, тенденция такая. А ведь большие таланты, которые приносят что-то свое, новое, можно пересчитать по пальцам — Иржи Килиан, Матс Эк, кто еще? Зато огромное количество плохих подражателей. Постмодернизм невероятный. Есть, конечно, исключения — в Парижской опере я делал программу отцовских балетов, в Американском балетном театре их тоже хорошо танцуют.

— Говорят, балеты Мясина очень много теряют, когда уходят первые исполнители. — настолько в них важны детали, нюансы, особенности характеров танцовщиков. А самым неповторимым исполнителем был ваш отец.

— Ну да, ведь нельзя клонировать Чарли Чаплина. Он — единственный. Конечно, можно ему подражать, но это все равно будет лишь бледная копия.

— Может быть, невозможно восстановить дух времени, которому принадлежат эти балеты?

— Не в этом дело. Балеты Мясина — это наука, в основе их — колоссальная культура. Вот сейчас в Большом мы работаем над «Треуголкой». Кажется, делать нечего — все так просто. А на самом деле дико трудно. В вашем театре скованность невероятная. А в «Треуголке» так важны и постановка корпуса, и руки, и движения кистей. Артисты вроде всему учились, но, очевидно, испанскими танцами они занимались как-то так, задней ногой. Приходится одновременно с текстом балета учить их позициям, поворотам головы, самым основным движениям.

— Знаменитая балерина Александра Данилова писала, что работать с Мясиним «было все равно что танцевать для великого инквизитора, который пытал людей во имя Бога».

— Точно. Он был дико, дико требовательный. Отец не верил ни во что другое, кроме хореографии. И чтобы достигнуть желаемого, он не считался ни с чем. Танцовщик для него был не человек. Работать, работать, работать — пока не свалится, вот так. И повторять миллион раз, пока не будет, как он захочет. И он орал на репетициях, и не знал счета времени. И это понятно: ведь жизнь такая короткая.

— А вы сами захотели заниматься балетом?

— Нет, нет. Меня заставили. Я не хотел этого. Папа в детстве тоже не хотел, вы знаете? Он прятался в шкафу, лишь бы не заниматься.